

В. В. БЫЧКОВ

ИЗ ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ЭСТЕТИКИ

Византийская эстетика и как теоретическая дисциплина, и как феномен истории культуры в силу своеобразных социально-исторических идеологических условий не существовала в виде отдельной, в себе замкнутой структуры. Процесс обособления искусства как самостоятельной сферы духовной деятельности и появления специальных работ по поэтике и как сказали бы мы теперь, по описательному искусствознанию (Аристотель, Псевдо-Лонгин, Филостраты, Каллистрат), наметившийся в поздней античности, в целом не получил особого развития на почве византийской духовной культуры¹.

Кризис эллинского рационалистического мышления, обострившийся в период эллинизма, способствовал усилению антирационалистической реакции в новой грекоязычной культуре, направив ее по пути нерационального, мифологического мышления. В результате этого византийское искусство оказалось органически включенным в систему христианской онтологии и гносеологии, а эстетическая теория — в религиозную теорию познания, что существенно повлияло на характер всей византийской эстетики.

Византийская гносеология², как и вообще византийская философия к сожалению, исследована еще далеко не так полно, как философия античности или западноевропейского средневековья. Для этого есть объективные основания, которые тем не менее, не снимают эту проблему с повестки дня современной науки. Византийская философия — прежде всего философия религиозного иррационализма, что уже осложняет ее понимание, осмысление и описание. Сами византийские мыслители не дали нам единого и полного изложения своей философско-религиозной концепции, тем более, системы своей гносеологии, хотя в работах почти всех отцов и учителей церкви, начиная с Климента Александрийского и кончая Григорием Паламой, эти проблемы стоят в центре внимания. Наконец

¹ Существовавший в Византии жанр экфрасиса (описания), в частности архитектурных сооружений (см. *J. Schlosser-Magnino. La letteratura artistica. Firenze—Wien, 1956, p. 15—25*), имел здесь несколько иной характер, чем в античной культуре. Византийский экфрасис чаще — не описание самого предмета, но перед субъективного впечатления о нем (см., например: *Прокопий Кесарийский. О постройках*, а также: *O. Wulff. Das Raumerlebnis des Naos im Spiegel der Ekphrasis. — I, 30, 1929—1930, S. 534—539*). В этом плане византийцы отходят от античной традиции и продолжают древнееврейскую (см. *Th. Votann. Das Hebräische Denken im Vergleich mit dem Griechischen. 3. Aufl. Göttingen, 1959, S. 60—61*).

² Гносеология (теория познания), так же как онтология или эстетика, не выделялась византийскими мыслителями в специальную дисциплину, а разрабатывалась в неразрывной целостности с другими аспектами их философско-религиозной системы. Это была гносеология объективно-идеалистического типа, главным предметом которой являлось познание не мира, но его идеальной первопричины, божества. Соответственно, и методы этой гносеологии существенно отличались от методов логико-материалистической теории познания.